

ЛИЛИЯ
ТИМОЛАЕВА

Развод Я НЕ ТВОЯ ВДОВА

Лилия Тимолаева

Развод. Я не твоя вдова

«Автор»

2026

Тимолаева Л.

Развод. Я не твоя вдова / Л. Тимолаева — «Автор», 2026

Я ушла от мужа после измены. Развелась. Впервые за много лет начала выбирать не его, а себя. И когда рядом появился мужчина, с которым мне захотелось будущего, позвонила женщина, к которой ушел Борис. — Его больше нет. Мне сорок восемь. Я не его жена и не его вдова. Но куда девать двадцать семь лет, которые были моей жизнью? Как перестать ждать ответа от человека, который уже никогда не объяснит, почему предал? Я думала, самое трудное — уйти. Оказалось, можно потерять бывшего мужа и вслед за ним оттолкнуть живого мужчину, который любит тебя сейчас.

© Тимолаева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два билета	5
Глава 2. Не жена	8
Глава 3. Что я больше не знаю	11
Глава 4. Я не твоя вдова	14
Глава 5. Отец моей дочери	17
Глава 6. За дверью	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лилия Тимолаева

Развод. Я не твоя вдова

Глава 1. Два билета

Денис хотел ехать у окна, но уступил мне свое место еще до того, как мы купили билеты.

— Ты же в поезде обязательно будешь что-нибудь рассматривать, — сказал он. — А я могу и тебя.

— За такие слова полагается место возле туалета.

— Только если рядом с тобой.

Я рассмеялась слишком громко для маленькой кофейни, и женщина за соседним столиком обернулась. Когда-то я немедленно понизила бы голос. В первую пятницу сентября мне было все равно. За стеклом с утра шел мелкий дождь, на стуле возле меня лежал пакет с подкладкой для свадебного платья, а на экране телефона светились два свободных места рядом. До первой совместной поездки оставалось пять недель. Целых пять недель, в которые можно было ждать хорошего.

Мы встречались всего три недели. Дениса я знала несколько лет: он снимал квартиру в соседнем подъезде, однажды помог запустить мою машину, потом мы здоровались возле магазина, спорили на собрании жильцов из-за нового шлагбаума. В августе он спросил, не хочу ли я поужинать с ним. Не помочь с проводкой, не занести тяжелую сумку. Поужинать. И я ответила сразу, пока не успела придумать убедительное объяснение, почему в сорок восемь мне непременно следует сначала закончить все дела.

Теперь дела тоже были. Но два свободных дня в начале октября я уже согласовала с хозяйкой мастерской. Срочные заказы распределила, клиентку со свадебным платьем предупредила о дате последней примерки. Денис договорился на работе. Мы выбрали Ярославль, небольшую гостиницу возле старого центра и поезд, ради которого не требовалось вставать затемно.

— Точно этот? — спросила я, показывая время отправления.

— Точно. И обратно этот. Не хочу половину воскресенья провести в дороге.

— Я тоже. Значит, берем вечерний.

Перед покупкой мы успели поспорить из-за гостиницы. Денис выбрал ту, что поближе к вокзалу: дешевле и не придется далеко тащить вещи. Я показала ему другую, с окнами во двор и фотографией большого деревянного стола внизу.

— Мы на два дня едем, — сказал он. — Ты собираешься изучать гостиничную мебель?

— Я собираюсь завтракать не в спешке. За большим столом. И смотреть во двор.

Он еще раз пролистал снимки.

— Хорошо, — сказал он. — Покажи, сколько идти от станции.

Я развернула карту. До гостиницы было дальше, чем он рассчитывал. Денис приблизил нужную улицу, нашел проход со двора, и мы оставили страницу открытой, чтобы после билетов забронировать номер.

Мне нравилось, что ему можно было возразить без долгой подготовки. Он не уступал из вежливости во всем подряд, но мое желание тоже что-то меняло в общем плане.

Он накрыл мою руку ладонью, и я повернула ее, переплетая наши пальцы. Я уже знала, как он смотрит, когда собирается меня поцеловать: не торопится, словно оставляет мне время приблизиться самой. От этого простого знания весь предстоящий октябрь казался теплым.

Я нажала кнопку оплаты. Деньги за свою половину Денис перевел мне еще утром; мы условились оформить в моем приложении билеты туда и обратно для нас обоих. Подтверждение пришло почти сразу. Я открыла его, проверила фамилии и отправила Денису копию.

— Пришло, — сказал Денис, взглянув на экран. — Места рядом?

— Рядом.

Он придвинул телефон к моему, будто хотел проверить еще раз, но смотрел на меня. Я провела пальцем по его запястью, и мы оба улыбнулись.

У него на кухне оставался мой темно-зеленый шарф. Накануне я сняла его, когда мы готовили ужин, и забыла на спинке стула. Утром Денис прислал фотографию: шарф лежал поверх его рабочей куртки, два чужих предмета неожиданно подходили друг другу. «Заберешь вечером», — написал он. Я смотрела на эту фотографию гораздо дольше, чем требовал забытый шарф.

Телефон зазвонил, когда официантка принесла счет. Имя на экране я узнала раньше, чем поняла, почему оно возникло.

Ксения Рябова.

Ее номер сохранился у меня с весны. Тогда Борис забирал последние коробки, перепутал пакеты, и Ксения звонила спросить, не осталось ли у меня его зарядное устройство. Я ответила, что понятия не имею. Зарядное действительно лежало на подоконнике, но я увидела его позже и передала через Бориса. Мы больше не разговаривали.

Денис заметил, как изменилось мое лицо, и убрал ладонь.

— По работе?

— Нет. Я сейчас.

Я вышла под узкий козырек. На улице пахло мокрой пылью и кофе из открытой двери. Рядом парень пытался развернуть зонт, зацепившийся за ремешок рюкзака.

— Алла? Это Ксения.

— Я вижу.

Она молчала. Я уже приготовилась сказать, что любые вопросы о Борисе пусть задает самому Борису. Шесть месяцев назад наш развод был оформлен, все вещи и деньги мы разделили, ничего общего, кроме дочери и прожитых лет, у нас не осталось. Даже от привычки откликаться на чужую растерянность я постепенно отучилась.

— Борис погиб, — сказала Ксения. — Вчера.

Парень рядом наконец раскрыл зонт. Одна спица оказалась вывернута наружу. Он с досадой потрянул его, и мне на туфли попала вода.

— Что значит — погиб?

— У приятеля на даче. Сорвался с приставной лестницы, когда помогал с водостоком. Там все понятно, Алла. Несчастный случай.

Она произнесла последние слова отчетливо, будто до этого уже отвечала на один и тот же вопрос много раз. Я смотрела на воду возле собственных ног. В ней плавал желтый лист, совсем маленький, откуда-то принесенный в центр города.

— Вчера? — повторила я.

— Да. Я не сразу смогла... Я не знала, как тебе сказать.

Мне захотелось рассердиться на это «тебе». Мы никогда не переходили на «ты». Она год жила внутри моего брака незнакомой женщиной, о существовании которой я узнала последней, а теперь могла звонить мне из его смерти и говорить «тебе».

— Жанна знает?

— Нет. Я подумала, лучше ты. Или я могу сама. Как скажешь.

— Нет.

Это вышло так резко, что Ксения опять замолчала.

— Я позвоню дочери, — сказала я. — Где будет прощание?

— Еще уточняют время. Через несколько дней. Я пришлю, как только...

— Пришлите.

Я нажала отбой раньше, чем она закончила. Потом стояла с телефоном в руке, хотя дождь уже добрался под козырек.

Борис не мог погибнуть вчера. Вчера я застегивала молнию на платье клиентки. Покупала хлеб. Смеялась у Дениса над тем, как он пытался нарезать помидор тупым ножом. Вчера в мире совершенно определенно был Борис: не со мной, не мой муж, но был.

За стеклом Денис поднялся. Он не махал, не спрашивал жестами, просто взял мой пакет с подкладкой и пошел к двери. Я увидела на оставленном столике две чашки и подумала, что счет мы еще не оплатили.

В телефоне под списком недавних вызовов оставалось сообщение с билетами. Два имени, начало октября, дорога туда и обратно.

Надо было позвонить Жанне. Надо было сказать Денису, почему я вышла под дождь и не возвращалась. Я смотрела то на телефон, то на человека за стеклянной дверью и впервые за эту счастливую пятницу не знала, к кому из них сделать первый шаг.

Глава 2. Не жена

Денис вышел из кофейни, держа мой пакет так осторожно, словно внутри было что-то хрупкое.

— Борис погиб, — сказала я ему.

Я ухватила свободной рукой за рукав его куртки, потом отпустила ткань и открыла в телефоне список контактов. Денис ничего не спросил. Подвинулся, закрывая меня от косого дождя, и остался рядом, пока я слушала гудки.

— Мам, я на работе. Можно через час?

— Жанна, выйди, пожалуйста, туда, где ты сможешь поговорить.

Я слышала, как отодвинулся стул, потом хлопнула дверь. Дочь еще успела пожаловаться на коллегу, который снова забрал ее кружку. Мне хотелось остановить ее на этой кружке, задержать там, где можно сердиться из-за посуды и обещать перезвонить.

— Папа погиб вчера. Несчастный случай на даче.

Она не закричала. Спросила только:

— Какой папа?

Я назвала его имя. Как будто у нее был выбор, какого отца потерять.

Оказалось, Денис уже оплатил счет. Он отвез меня домой. В машине я сообщила хозяйке мастерской, что сегодня не приду, и написала клиентке со свадебным платьем: примерка переносилась с субботы на следующую неделю. Клиентка ответила, что понимает, и добавила желтое сердечко. Я смотрела на него с непонятным раздражением. Разве я просила жалеть меня? У меня умер бывший муж. Я столько раз подчеркивала это слово, а теперь меня жалели так, будто ничего не изменилось.

У подъезда Денис предложил зайти. Я сказала, что лучше останусь одна до приезда дочери.

— Напишешь, когда она доберется?

— Да. Спасибо за пакет.

Он передал мне ручки и на секунду придержал их вместе с моими пальцами. Я могла бы обнять его. Мы еще утром обнимались без всякой причины. Но теперь из окна первого этажа смотрела соседка, и я убрала руку первой.

Жанна приехала в субботу после обеда. Я ждала ее у двери, услышав лифт, и сразу заметила, что она без привычного большого чемодана, с дорожной сумкой через плечо. На сумке болтался брелок, который Борис привез ей из какой-то поездки лет пятнадцать назад: кривоватый металлический кот.

— Я взяла отпуск на несколько дней, — сказала она. — Дальше посмотрю. Мне разрешили пока работать отсюда, если понадобится.

Она поставила сумку и обняла меня, не снимая куртки. От ее волос пахло дождем, ворот куртки был холодный. Я гладила ее по спине. Пока Жанна держалась за меня, я хотя бы знала, что делать.

— Ты ела?

— Не знаю.

— Сейчас согрею суп.

— Мам, я не знаю, ела я или нет. Я не помню.

Я отпустила ее, и мы прошли на кухню. Суп стоял на плите с утра, хотя до приезда Жанны я дважды собиралась его убрать. Я налила слишком много. Она не притронулась, только перебиравала ложку.

— Ксения тебе звонила?

— Да. Сказала, что прощание во вторник. Время еще придет.

Дочь кивнула. Я ожидала, что она попросит объяснить, почему сначала позвонила именно Ксения, но Жанна спросила другое:

— У тебя есть хорошая папина фотография? Бабушка просит. Чтобы не вырезать из компании и чтобы лицо нормально видно.

— У него теперь другая жизнь. Там должны быть фотографии.

Жанна подняла глаза.

— Я не говорю, что не должны. Просто бабушке нравится, как он раньше носил волосы. Она мне это сказала.

Я почувствовала, как некрасиво прозвучало мое возражение. Будто я отказывалась дать чужую вещь, забытую после ссоры.

Жанна встала, убрала нетронутую тарелку в холодильник и спросила, где теперь лежит лестница-стремянка.

— На лоджии. Я сама достану.

— Я выше тебя, мам.

— На три сантиметра.

— На четыре. Ты каждый раз крадешь один.

Она сказала это почти обычным голосом. Я успела обрадоваться, а дочь вдруг остановилась возле двери и прижала ладонь ко лбу.

— Я сейчас подумала, надо у папы спросить. Он же нас измерял у косяка, помнишь?

Я помнила карандашные черточки, оставшиеся в старой квартире после переезда. Мы не забрали их с собой, даже не сфотографировали. Жанна опустила руку, сходила за стремянкой и сама поставила ее возле шкафа.

Папки с фотографиями были на верхней полке шкафа в гостиной. Когда Борис уезжал, он забрал свои документы, зимнюю куртку, инструменты и коллекцию путеводителей, до которых прежде не дотрагивался годами. Фотографии мы делить не стали. Он сказал: «Потом разберем». После развода я прислала ему несколько общих снимков с дочерью, а бумажные остались у меня.

Мы уселись на ковре. В прозрачных карманах хранились прежние летние отпуска, дни рождения, поездки на дачу, которая давно принадлежала другим людям. На одной фотографии Борис держал Жанну на плечах, а я смеялась, заслоняя рукой солнце. На другой мы стояли вдвоем у озера. Он прижимал щекой мои волосы. Я вспомнила, как пахла его промокшая футболка, потому что перед снимком он вытаскивал из воды слетевшую с моего плеча сумку.

— Мне эта нравится, — сказала дочь.

— Она общая.

— Я вижу.

Мне вдруг захотелось, чтобы дочь смотрела на эту фотографию моими глазами. Объяснить, что счастливое лицо не отменяет того вечера, когда я увидела на экране его телефона чужое «Ты скоро?». Что после двадцати семи лет брака я тоже имела право не продолжать стоять возле озера с улыбкой.

Но снимок не был ложью. В тот день мы действительно смеялись. Я не знала, что делать с этой мелкой, несговорчивой правдой, и просто положила фотографию рядом.

— Поищем отдельно, — предложила я.

Портрет нашелся в конверте, оставшемся после юбилея его матери. Борис сидел за столом, чуть развернувшись к фотографу, в темно-синей рубашке. Никакой торжественности, только знакомая легкая усмешка. Рядом не было ни меня, ни Ксении. Жанна поднесла снимок к окну.

— Этот.

Я отсканировала его телефоном, убрала блик и отправила Ксении. Ответ пришел быстро: «Спасибо. Подходит». Затем она написала: «На прощании для семьи выделяют первый ряд. Скажите, вы с Жанной приедете вместе?»

Я долго смотрела на слово «семьи». Раньше я совершенно точно знала, где положено стоять мне.

«Жанна приедет со мной. Но я не жена Бориса», — ответила я.

Ксения не стала спорить. Прислала адрес и точное время вторичного прощания.

— Ты пойдешь? — спросила дочь.

— Я еще думаю.

Она снова кивнула и начала складывать снимки. Тот, возле озера, взяла себе, не спрашивая, можно ли. Я не возразила.

Вечером я отправила Денису обещанное сообщение: «Жанна дома». Он ответил: «Хорошо. Я рядом, если понадобится». Я набрала: «Ты и так нужен», — но стерла. Потом убрала телефон и вернула папки на полку.

Портрет Бориса остался на столе. Я не поставила перед ним ни цветов, ни свечи. Просто прижала загибающийся угол лежавшей рядом книгой и выключила свет.

Глава 3. Что я больше не знаю

В воскресенье я разбирала ящик с пуговицами. Делала это на кухне, пока Жанна спала, хотя прекрасно знала: дома мне не нужны ни черные костюмные, ни маленькие перламутровые. Я принесла коробку из мастерской еще весной, собираясь подобрать замену для собственной блузки, и с тех пор она занимала половину выдвижного ящика. Теперь нашлось дело, в котором каждая вещь имела подходящее место.

Ксения позвонила без десяти девять.

— Простите, что рано. Я не разбудила?

— Нет.

— У вас случайно не осталось синего галстука Бориса? Его мама говорит, на фотографии с юбилея он именно в нем.

На фотографии, которую я отправила, галстука не было. Я посмотрела на портрет, все еще лежавший в гостиной, и представила, как его мать перебирает в памяти разные праздники, выбирая сыну одежду на последний.

— Тот галстук он подарил племяннику. Давно. На выпускной.

— Понятно.

— Возьмите серый, если обязательно нужен. Но Борис вообще их не любил.

Ксения немного помолчала.

— Он этим летом два купил. Иногда надевал на встречи.

Я пересыпала пуговицы из ладони в блюдце. Одна упала на пол, покатилась под холодильник, и я не стала ее доставать.

— Значит, возьмите один из них.

Я едва не спросила, какого они цвета, и удержалась. Не хватало еще обсуждать с Ксенией, какой галстук ему больше шел. Борис покупал галстуки, которых я не видела. Возможно, стоял возле зеркала, выбирал, а эта женщина поправляла узел. Не в то время, когда тайком ездил к ней после работы. Уже потом, открыто, после нашего развода.

— И еще, — сказала Ксения. — Мне нужен номер его двоюродной сестры Ирины. У него в телефоне несколько Ирин, я не могу понять. И Сергея, с которым он учился. Борис говорил, что они давно поссорились, но мама хочет, чтобы Сергей знал.

Ирину я поздравляла с Новым годом. Сергею семь лет назад подшивала брюки на свадьбу сына. Я нашла оба номера.

— Я сама им позвоню.

Ксения выдохнула прямо в трубку.

— Спасибо. Я уже не знаю, что говорила и кому.

— Только этим двоим, — добавила я. — Остальных я не знаю.

— Хорошо.

Она не спорила и не требовала большего. Я приготовилась отказывать, ждала, что меня попросят снова впрячь в Борисову жизнь, а Ксении требовались два телефонных номера и один галстук, которого у нас давно не было.

Ирина ответила из магазина. На заднем плане объявляли скидки на что-то хозяйственное. Услышав меня, она весело спросила, как поживает Жанна. Мне пришлось прервать ее на середине вопроса.

После короткого молчания Ирина сказала:

— Аллочка, я приеду. Конечно, приеду. А ты как?

— Нормально.

— Да какое же нормально. Столько лет...

— Мы разведены.

Я произнесла это с такой готовностью, словно ждала случая предъявить документ. Ирина растерялась.

— Я знаю. Боря говорил.

Оказывается, он говорил. Не только родственникам, которым я сама сообщала весной, когда перестала выносить вопросы о наших совместных планах. Где-то Борис объяснял свое положение, выбирал слова обо мне. Я никогда уже не узнаю какие. Ирина заговорила про дорогу, и я продиктовала адрес, стараясь не вслушиваться в собственный сухой тон.

Перед тем как попрощаться, Ирина спросила, не сможет ли остановиться у нас после прощания. Раньше она всегда приезжала к Борису: у них с детства осталась привычка говорить до ночи, вспоминая общих родственников.

— У меня Жанна, — сказала я. — Места мало.

— Тогда у тети спрошу.

— Лучше уточните у Ксении. Она знает, кто приедет и что уже решили.

Я продиктовала номер, который еще полгода назад не хотела даже хранить в телефоне. Ирина записала его без удивления. Видимо, только мне казалось, что, называя эти цифры, я признаю что-то важное и постыдное. Для нее это был способ добраться до нужного человека и решить вопрос с ночлегом.

Сергей долго не отвечал. Когда перезвонил, я стояла у открытого окна. Он выслушал, спросил время прощания и тихо выругался.

— Дураки мы, — сказал он. — Из-за чего вообще тогда спорили.

Я не знала, из-за чего. При мне они последний раз встречались на дне рождения общего знакомого и выглядели совершенно довольными друг другом.

— Ксения сказала, вы поссорились.

— Значит, помнил, если говорил.

В голосе Сергея было такое неожиданное облегчение, что я отвернулась от окна. Он узнал о смерти друга и все-таки обрадовался: о нем помнили. А я не знала даже того, с кем Борис перестал разговаривать.

Жанна вышла на кухню босиком, с телефоном в руке. Я сообщила ей о двух звонках и стала собирать пуговицы обратно.

— Ты не обязана всех обзванивать, — сказала дочь.

— Я только двоим позвонила.

— Хорошо.

Она открыла холодильник, достала сыр, потом положила обратно и взяла яблоко. Я следила за каждым ее движением, пытаясь угадать, о чем она думает.

— К бабушке поедешь сегодня? — спросила я.

— Да. Мы договорились. Она хочет, чтобы я помогла найти кое-что в альбомах.

— Мне приехать с тобой?

Жанна посмотрела внимательно.

— Если хочешь. Но мы справимся.

Я не поехала. Когда дочь ушла, достала из шкафа темное платье, повесила на дверцу и проверила подол. Рядом повесила светлую блузку с той самой неподобранной пуговицей. Я долго смотрела на две вещи, сердясь, что не могу решить простейшую задачу, хотя каждый день помогала чужим женщинам выбирать, что укоротить и что оставить.

На телефон пришло сообщение Дениса: «С утра разобрал машину, которая два дня меня побеждала. Теперь считаю себя очень умным. Ты как?»

Я улыбнулась. Почти ответила, что в этом мы с машиной единомышленны. Вместо этого написала: «Нормально. Много звонков». Он прислал короткое «Понял».

Я вернулась к шкафу и сняла темное платье. Решила надеть брюки и блузку, просто чистые, удобные вещи, в которых смогу простоять столько, сколько потребуется. Мне не хотелось ни наряжаться в траур, ни доказывать одеждой, что эта смерть меня не касается.

Борис был человеком, которого я когда-то любила. Он обманул меня, ушел, и я не захотела продолжать наш брак. Но во вторник его больше нигде нельзя будет увидеть. Эта причина не нуждалась ни в чьей просьбе.

Я написала Ксении: «Ирине и Сергею сообщила. На прощании буду».

Потом опустилась на пол и достала из-под холодильника укатившуюся пуговицу. Она была не от моей блузки. Я положила ее в коробку к остальным, а для блузки нашла другую, подходящую, и наконец пришила.

Глава 4. Я не твоя вдова

Во вторник утром у Жанны сломалась застежка на сумке. Она трижды дернула молнию, потом поставила сумку на пол и отвернулась.

— Давай другую, — предложила я.

— Мне нужна эта.

— Я поправлю бегунок. Две минуты.

Она молча подала сумку. Я взяла маленькие плоскогубцы из своего домашнего набора, выправила разошедшийся край, несколько раз застегнула и расстегнула молнию. Все заняло меньше минуты. Жанна все смотрела на мои руки. Пришлось позвать ее по имени, чтобы она забрала сумку.

Мы приехали раньше назначенного времени. Перед входом стояли люди с цветами. Некоторые отвернулись, заметив меня, и я сперва решила, что они не хотят здороваться, а потом поняла: они просто не знали, как. Все помнили, кем я была Борису, и не все понимали, кем стала после развода.

Дочь взяла меня под руку. Не спряталась за меня, как делала маленькой в незнакомом месте, а встала рядом. Ей было двадцать пять. Я никак не могла совместить эту взрослую женщину с девочкой, которая однажды требовала, чтобы папа немедленно научил кота плавать, потому что иначе его нельзя брать на море.

Внутри Ксения разговаривала с распорядителем. Я увидела ее не впервые, но прежде всегда смотрела быстро и с неприязнью: возле Борисовой машины, на фотографии в телефоне, один раз издали у магазина. Сегодня у нее были убраны волосы и перекручен ремешок сумки. Она пыталась поправить его одной рукой, продолжая отвечать на вопросы.

Мать Бориса сидела на стуле у стены. Жанна подошла к ней первой и опустилась рядом. Я осталась на расстоянии нескольких шагов, пока бывшая свекровь не протянула ко мне руку.

— Аллочка.

Я наклонилась и поцеловала ее в щеку. Она не сказала ни «прости его», ни «теперь все забыто». Только сжала мои пальцы и попросила принести ей сумку с соседнего стула. Я принесла. Простое поручение было легче любого сочувствия.

Возле входа зазвонил чей-то телефон. Мужчина поспешно спрятал его в карман, но звук не прекращался, и несколько человек обернулись. Нелепая бодрая мелодия успела повториться трижды. Я вдруг представила, как Борис закатил бы глаза: он всегда раздражался, когда люди не умели быстро выключить звонок. Эта совершенно обычная мысль оказалась страшнее самого звука.

Мать Бориса потянулась за платком и уронила перчатку. Мы с Ксенией наклонились одновременно. Я подняла ее первой и протянула бывшей свекрови. Ксения отступила, задев сумкой край стула. Ни одна из нас не сказала другой ни слова. Даже перчатку мы не могли поднять, не замечая, кто оказался рядом.

Потом я увидела Бориса.

До этой минуты смерть состояла из телефонных разговоров, адресов, перенесенных заказов, чужой растерянности. Теперь он лежал в нескольких шагах от меня, а я почему-то прежде всего заметила ворот рубашки. Это была не та синяя рубашка с отправленного портрета. Светлая, незнакомая, с маленькими темными пуговицами. Я никогда ее не гладила.

Я отвела глаза. Рядом кто-то шепотом спорил, куда поставить большие букеты. Дверь открывалась и закрывалась. Сергей, которому я звонила в воскресенье, прошел мимо меня, коротко кивнул и сразу направился вперед. У него в руках были темно-красные гвоздики, перевязанные тонкой ниткой.

Жанна стояла возле бабушки. Ксения освободилась от распорядителя и подошла к ним, но не стала вставать между ними. Посмотрела на меня. Я кивнула, не понимая, было ли это приветствием.

— Алла, дорогая.

Меня обнял Илья, наш бывший сосед по старому дому. С ним мы не виделись несколько лет. Он всегда говорил громче остальных, и сейчас его приглушенный голос казался нарочитым.

— Крепись. Тяжелая доля тебе досталась, вдовья.

Я отступила так резко, что он не сразу опустил руки.

— Я не вдова. Мы развелись.

Он моргнул. За его плечом женщина с белыми цветами перестала поправлять ленту.

— Я знаю, но все-таки столько...

— Это не делает меня его женой.

Я говорила негромко, однако каждое слово оказалось твердым и отчетливым. Слишком твердым для этого места. Илья посмотрел в сторону Ксении, потом снова на меня.

— Прости. Я не так сказал.

Он ушел, оставив меня возле стены. Никто не сделал замечания. Жанна, кажется, не слышала. Я все еще мысленно спорила с Ильей, хотя он уже отошел, и придумывала новые ответы на слова, которых он не сказал.

Когда-то Борис называл меня женой так уверенно, что я не замечала этого слова. «Жена подскажет». «Мы с женой приедем». «У жены золотые руки». Потом оказалось, что этими руками я месяцами гладила рубашки мужчине, который собирался к другой. Я подписала заявление о разводе не из гордости и не для того, чтобы он испугался. Я не могла больше жить в доме, где верила мужу, а обо всем узнавала последней.

И все же я стояла здесь.

Распорядитель попросил пройти ближе. Люди двинулись, и я оказалась возле Жанны. Дочь взяла меня за руку. Ее пальцы крепко сжимали мои. Я накрыла ее руку своей второй ладонью.

Кто-то говорил о работе Бориса, о его умении находить общий язык. Я слушала и не спорила. Потом слово взяла его двоюродная сестра. Она вспомнила, как в детстве он собирал для младших детей бумажные вертушки и сердился, когда они ломались. Я никогда об этом не слышала.

Когда подошла наша очередь попрощаться, Жанна пошла первой. Я ждала позади и вдруг вспомнила совершенно ненужное: Борис всегда оставлял на краю раковины мокрый след от локтя. Я ругалась, он проводил ладонью по раковине и говорил, что теперь стало только хуже. Этого следа не было в моей квартире уже полгода. Я успела перестать его искать.

Я заплакала, прежде чем успела отвернуться. Пыталась сдержаться, смотрела на цветы, на гладкий край светлой рубашки, на что угодно, кроме его лица. Ничего не помогало. Жанна обняла меня за плечи. Я едва слышно сказала:

— Прости.

— За что, мам?

Я не ответила. Она решила, что я обращалась к ней. Я и сама не знала, к кому.

После прощания Илья стоял на улице отдельно от остальных, застегивая пальто. Я подошла к нему.

— Я не должна была так с вами разговаривать.

— Не думай об этом.

— Я все равно не вдова.

— Понял, Алла.

На этот раз в его голосе не было ни спора, ни жалости, от которой хотелось защищаться. Мы постояли рядом несколько секунд. Затем я вернулась к дочери.

Ксения шла по другую сторону от матери Бориса, придерживая ее сумку. Я больше не искала, какое место они оставили мне. Просто пошла рядом с Жанной, и, когда она снова взяла меня под руку, не стала вытирать слезы свободной ладонью.

Глава 5. Отец моей дочери

Домой мы вернулись уже вечером. Я сняла туфли в прихожей и осталась стоять на холодном полу. Жанна прошла в ванную, включила воду. За дверью упала крышка от корзины для белья, и дочь коротко, сердито выругалась.

Прежде я обязательно сделала бы замечание. Теперь поставила чайник и нашла в холодильнике вчерашнюю картошку. Мы обе почти ничего не ели, а длинный день закончился, не оставив никаких указаний, что делать дальше.

— Пожарим? — спросила Жанна, заглянув на кухню.

— Я могу просто разогреть.

— Давай пожарим. С луком.

Я достала сковороду. Дочь села чистить луковицу, все еще в той блузке, в которой ездила на прощание. Один рукав был закатан выше другого. Я потянулась его поправить, но Жанна отодвинула локоть.

— Сейчас сама.

Телефон лежал возле ее доски экраном вверх. Несколько раз появлялись сообщения. Дочь отвечала коротко, без обычной улыбки, потом перевернула аппарат.

— По работе? — спросила я.

— От Миши. Он хотел приехать, но у него сдача проекта. Я сказала, не надо.

О Мише я знала немного: дочь познакомилась с ним весной, вместе они еще не жили. Я даже не знала, что она рассказывала о нем Борису. У него теперь не спросишь.

— Ты могла бы его позвать, — сказала я.

— Мам, я не хотела. Мне сейчас так проще.

Я кивнула и высыпала картошку на сковороду. Лук зашипел, кухня наполнилась знакомым вечерним запахом. Я убавила огонь и подцепила лопаткой приставший к краю лук. Пока мы готовили, можно было не смотреть друг на друга.

— Папа всегда резал слишком толсто, — сказала Жанна. — Помнишь? Ты говорила, у него не жареная картошка, а строительный материал.

Я помнила. И то, как Борис отвечал, что в доме мастера по ремонту все должно быть прочным. Мне вдруг захотелось убрать сковороду с огня.

— Зато он редко утруждал себя готовкой.

Дочь посмотрела на меня, потом снова на лук.

— Редко. Но мне нравилось, когда он готовил.

Она говорила не для того, чтобы возразить. Просто сообщала о чем-то, чего я не могла отменить. Я перемешала картошку сильнее, чем требовалось; несколько кусочков упали на плиту.

Мы ели прямо на кухне. Жанна налила себе чай в большую желтую кружку, которую всегда выбирала дома, и вдруг начала смеяться. Тихо, короткими выдохами, прикрывая рот ладонью.

— Что?

— Вспомнила свою первую комнату. Когда переехала учиться. Помнишь этот ужасный шкаф с одной дверцей?

— Я помню, что просила не снимать такую квартиру.

— Ты все квартиры просила не снимать. Они тебе не нравились даже по телефону.

— Потому что ты присылала фотографии дыр в полу.

— Это была одна дырка. Под ковром.

Жанна снова засмеялась, и я невольно улыбнулась. Тогда ей было двадцать, она получила место на стажировке в другом городе и впервые решила, что справится без нашего подробного

руководства. Борис поехал отвезти вещи. Я не смогла закрыть мастерскую: на ту неделю пришла выдача нескольких больших заказов.

— Он приехал и сразу сказал, что шкаф надо выбросить, — продолжила дочь. — А хозяйка не разрешила. Сказала, дорогая сердцу мебель. Папа потом весь вечер разговаривал с этим шкафом на «вы». «Ваше высокопревосходительство, извольте немного подвинуться». У него еще ручка отвалилась.

— У Бориса?

— У шкафа, мам.

Мы засмеялись одновременно. Дочь поискала что-то в телефоне и подвинула ко мне экран. Борис сидел на полу возле разобранной дверцы, держа в зубах карандаш. На коленях у него лежала доска, сзади виднелась Жаннина дорожная сумка.

— Я думала, он просто заедет и уедет. А он остался на ночь. Спал на раскладушке. Утром сходил на рынок за петлями и полдня ругался, что современные изделия рассчитаны на мебель из бумаги.

— Он любил ругаться на современные изделия.

— А еще привез мне тарелки. Те с синими краями. Сам выбрал. Я их до сих пор не разбила.

Мне показалось несправедливым, что я не знала про тарелки. Будто Борис приберегал для дочери одну свою жизнь, для Ксении другую, а мне оставлял счета, стирку и объяснения, почему опять задерживается. Я уже открыла рот, чтобы напомнить Жанне: щедрость в мелочах не мешала ему год обманывать нас обеих.

Я посмотрела на экран. Борис сидел возле шкафа с карандашом в зубах, а Жанна ждала, что я скажу о фотографии. Она ведь не доказывала, каким хорошим мужем он был. Рассказывала, как отец приехал к ней, остался на неудобной раскладушке и возился с петлями. Сейчас я могла отнять у нее даже этот вечер.

— Он ведь тогда не сказал мне, что ночевал на раскладушке, — произнесла я вместо того, что собиралась.

— Я запретила. Ты бы велела ему везти меня обратно.

— Скорее всего.

Жанна убрала телефон.

— Я знаю, что он с тобой сделал, мам.

Я посмотрела на нее.

— Я не собиралась говорить...

— Ты собиралась. Я по лицу вижу. Я не прошу тебя говорить, что он был хорошим мужем. И не хочу снова жить в той весне. Я тогда боялась отвечать на каждый ваш звонок.

— Я старалась не втягивать тебя.

— Ты старалась. Он тоже. А потом вы оба спрашивали, что другой сказал.

Я опустила глаза. Мне вспомнилось, как после очередного разговора с Борисом я почти сразу набирала дочь. Начиная с вопроса о работе и через две минуты уже выпрашивала, собирается ли он к ней приехать. Тогда мне казалось, что я просто уточняю планы.

— Больше не буду, — сказала я и сама услышала, насколько бессмысленно теперь звучит это обещание.

Мы помолчали. Мне хотелось возразить, что она не может читать мои мысли, но я все еще видела перед собой снимок именно того человека, которого почти отняла у нее одной сердитой фразой.

— Прости, — сказала я. — Расскажи про тарелки.

— Про них нечего рассказывать. Он сказал, из кружки можно есть суп, только если никто не увидит. А раз я живу одна, теперь придется самой себя проверять.

Она улынулась, потом провела пальцем под глазом. Я не стала тянуться к ней через стол. Просто достала салфетки и положила рядом.

Позже Жанна отправила мне снимок со шкафом. Я сохранила его вместе с другими фотографиями дочери в папке с названием города, куда она тогда переехала. Борис на нем выглядел довольным и нелепым, с карандашом в зубах.

Перед сном я заглянула в ее комнату. Дочь разговаривала с Мишей и показывала ему в камеру металлического кота на сумке. Я тихо закрыла дверь. Там продолжался разговор, в котором мне не требовалось ни участвовать, ни следить, чтобы о Борисе сказали всю правду сразу.

Глава 6. За дверью

В среду Денис написал, что мой шарф по-прежнему у него. «Он уже познакомился со всеми куртками. Боюсь, освоится и откажется возвращаться».

Я прочитала сообщение в мастерской, куда зашла разобрать заказы на следующий день. Хозяйка, Тамара, предлагала мне выйти только в понедельник, но я уже пообещала нескольким клиенткам, что буду работать. На столе лежало свадебное платье, прикрытое чистой тканью. Я приподняла край ткани, проверила записку с датой примерки и снова накрыла платье.

«Принеси вечером», — ответила я Денису.

Он спросил, удобно ли будет в восемь. Я написала, что да, и впервые за несколько дней посмотрела на часы не потому, что опаздывала или кого-то ждала с неприятными известиями.

Жанна уехала к бабушке, предупредив, что вернется поздно. Я купила хлеб, сыр и помидоры. Потом остановилась у витрины с выпечкой. Денис любил пирожки с капустой и всегда выбирал самые неровные: говорил, в них начинку кладут щедрее. Я взяла два, дома разогрела духовку, но выключила, не поставив внутрь тарелку. Получалось, я готовилась к свиданию. На следующий день после похорон.

Я поставила пирожки на кухонный стол и накрыла полотенцем. Если Жанна вернется голодной, тоже сможет поесть, подумала я и тут же рассердилась: при чем здесь Жанна?

Денис пришел ровно в восемь, с шарфом в бумажном пакете и маленькой отверткой, торчавшей из кармана куртки. Увидев, куда я смотрю, он вытащил ее и вздохнул.

— Вот. Обещал себе сначала домой зайти. Забыл.

— Ты собирался что-нибудь у меня разобрать?

— Только если оно само попросит.

Он убрал отвертку обратно в карман. Я улыбнулась. Он протянул пакет, и на секунду мы оба остановились, не решаясь выбрать между объятием и деловым прощанием на пороге.

— Заходи, — сказала я.

Он снял куртку. Шарф я достала из пакета, встряхнула и повесила на крючок возле зеркала. От него немного пахло Денисовым шкафом, сухим деревом и тем средством, которым он стирал вещи. Я не знала названия и прежде не считала нужным узнавать. Это был просто запах человека, к которому мне хотелось приходить.

На кухне Денис заметил тарелку под полотенцем.

— Ты не ела? — спросил он.

— Еще нет. Бери, они оба тебе.

Денис достал вторую тарелку.

— Мне одного хватит.

Он разрезал один пирожок пополам, причем неровно. Себе взял меньшую часть, я молча поменяла их местами. Он поднял брови и ничего не сказал.

Денис сел на край стула, не так, как сидел здесь прежде. До пятницы он бы откинулся на спинку, вытянул ноги и первым нашел в шкафу чашки. Сегодня ждал, пока я все поставлю сама. Мне стало жаль этих трех недель, в которые мы понемногу переставали быть гостями друг у друга.

— Ты чего такой аккуратный? — спросила я.

Он посмотрел на себя, потом на стул.

— Стараюсь ничего не испортить.

— Стул довольно крепкий.

— Я не про стул.

Я достала его любимую широкую чашку. Он заметил, какую я выбрала, и провел пальцем по ручке. Он обхватил чашку обеими руками и отодвинул стул от края стола, устраиваясь удобнее.

Первые минуты мы разговаривали о простом. У подъезда опять не работал доводчик. В магазине переставили хлеб, и теперь его следовало искать за огромной полкой с губками. Денис рассказал, как заказчик полчаса доказывал, что машина сама включает свет по ночам, а потом вспомнил, что дал второй ключ брату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.